

ЛОРЕН ОЛИВЕР

**СЛОМАННЫЕ
ВЕЩИ**

**МОСКВА
2019**

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
О-54

Lauren Oliver
BROKEN THINGS

Copyright © 2018 by Laura Schechter

Перевод с английского *Елены Татищевой*
Художественное оформление *Елены Окольциной*

Оливер, Лорен.

О-54 Сломанные вещи / Лорен Оливер ; [перевод с английского Е. Татищевой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-104683-5

Прошло пять лет с тех пор, как в лесу обнаружили зверски убитую девушку. Но кто же на самом деле виновен в этом преступлении?

Все думают, что Миа и Бринн убили лучшую подругу. Одержимые мистическим романом под названием «Путь в Лавлорн», они совершили страшное преступление, а после и вовсе рассказали о содеянном в фанфике! Чудовища с Брикхаус-лейн, так прозвала их пресса, надолго стали центром всеобщей ненависти. Только есть одна проблема: они утверждают, что не убивали Саммер.

В годовщину смерти подруги прошлое вновь оживет, вот только правда о случившемся в лесу понравится не всем.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-104683-5

© Татищева Е., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

До того, как мы превратились в чудовищ с Бриксаус-лейн.

До того, как все от Калифорнии до Коннектикута узнали нас под этим страшным прозвищем и в блогах появились наши лица, а поиск наших имен привел к сайтам, которые обрушились из-за невероятного трафика, мы были обыкновенными девочками, и нас было только две.

БРИНН

Наши дни

Пять лет назад, когда мне только исполнилось тринадцать лет, я убила лучшую подругу.

Я погналась за ней и ударила ее по голове камнем. Затем я выволокла тело из леса в поле и положила его в центре круга из камней, которые разложила заранее вместе с другой моей подругой, Мией. Затем мы вонзили в плоть нож, два раза в горло и пять раз в грудь. Миа собиралась облить тело бензином и поджечь, но что-то пошло не так, и вместо этого мы сбежали.

Вот как все узнали, что виновны именно мы: более или менее точно мы описали наше преступление в фанфике к книге, которой были одержимы и которая называлась «Путь в Лавлорн».

После этого Миа и я разошлись. Она пошла домой и подремала весь вечер перед телевизором, даже не потрудившись отстирать свои джинсовые шорты от пропитавшего их бензина. Я же повела себя осторожно. Я отнесла свои вещи в местную прачечную, поскольку в доме не было стиральной машины. Но полиции все равно удалось найти остатки крови на моей футболке, правда, не Саммер, а животного, поскольку до убийства мы ножом совершили ритуальное жертвоприношение кота, тело которого впоследствии нашли на том же поле.

Оуэн Уолдмэн, предполагаемый бойфренд Саммер, после убийства исчез и вернулся только через сутки, после чего заявил, что ничего о случившемся не знает. Он так и не объяснил, где пропал.

Ясное дело, он лгал. Это он все придумал. Он ревновал, поскольку Саммер проводила время с парнями постарше, такими, как Джейк Гински, игрок школьной команды по американскому футболу. В тот год Саммер стремительно начала взрослеть, опередив всех нас и поменяв правила игры.

Возможно, мы все ей немного завидовали.

Я набросилась на Саммер, когда она попыталась убежать, ударила ее по голове камнем, а потом отволокла обратно к Мие, чтобы мы могли по очереди наносить ей удары ножом. Канистру с бензином принес Оуэн, и именно он оказался настолько туп, что не догадался избавиться от нее после того, как мы совершили преступление. Она была найдена позже возле гаража, за газонокосилкой отца Оуэна.

Оуэн, Миа и я, Бринн.

Чудовища с Брикхаус-лейн.

Дети-убийцы.

По крайней мере, так рассказывают эту историю все остальные, и она повторилась уже столько раз и столькими людьми, что превратилась в общеизвестный факт. И никому нет дела до того, что обвинение против Мии и меня даже не вышло за пределы суда по семейным делам. Как копы ни старались, они не смогли выкрутить улики так, чтобы свести концы с концами. Ну и половина информации, которую мы им рассказали, была получена незаконно, поскольку нам так и не зачитали наши права. Не важно также и то, что в уголовном суде Оуэна оправдали — он был признан невиновным и отпущен на все четыре стороны.

И никому нет дела до того, что мы этого не совершали.

«Чтобы попасть в тайные миры в книгах, нужно использовать двери, ключи и другие материальные предметы. Но Лавлорн был миром иного толка, он открывался по собственному усмотрению и только тогда, когда ему этого хотелось, что сопровождалось едва заметным изменением обстановки, таким, например, как медленное превращение дня в вечер.

И вот как-то раз трем лучшим подругам — Одри, Эшли и Эйве — стало жарко и скучно, и они решили обследовать лес за домом Эйвы, хотя, по правде говоря, там было мало такого, чего они еще не видели.

Однако, когда они отправились в лес в тот день, случилось нечто странное.

Из «Пути в Лавлорн»
Джорджии С. Уэллс¹

¹ Эта книга и эта писательница выдуманы автором данного романа. — *Здесь и далее прим. пер.*

БРИНН

Наше время

— Данные медосмотра, похоже, в порядке. — Поли склоняется над моим личным делом, почесывая пальцем нос. Над ее правой ноздрей разрастается крупный прыщ. — Кровяное давление отличное, печень работает исправно. И сердечный ритм в норме. Я бы сказала, что ты в хорошей форме.

— Спасибо, — говорю я.

— Но главное не это, а то, как ты себя *чувствуешь*. — Когда она откидывается на спинку стула, ее блузка вокруг пуговиц натягивается до предела. Бедная Поли. Она директор-резидент «Перекрестка» и всегда имеет растерянный и ошалелый вид человека, который только что попал в небольшое ДТП. И одевается как чучело. Впечатление создается такое, будто она все время покупает одежду для другой женщины — слишком обтягивающие блузки с лайкрой, слишком просторные юбки, мужская обувь. Может быть, она добывает свой гардероб, роясь в мусорных баках?

Саммер поступала примерно так же: она забирала одежду у Армии спасения или просто крала ее. Но она всему умела придать классный вид. Например, могла взять очень старую, чересчур большую футболку с постером рок-группы и превратить ее в платье, подпоясав велосипедной цепью и добавив к этому

ансамблю старые кеды. Она называла это мусорной модой.

Она собиралась уехать в Нью-Йорк и стать моделью, когда ей исполнится шестнадцать, а затем создать линию модной одежды. Она мечтала стать знаменитой актрисой и написать мемуары.

Она собиралась столько всего сделать.

— Я чувствую себя хорошо, — притворяюсь я. — Чувствую себя сильной.

Поли поправляет очки — привычка, выдающая нервозность.

— После восьмого класса ты побывала уже в восьми реабилитационных центрах. Мне хочется верить, что ты готова изменить свое поведение.

— «Перекресток» не похож на другие такие центры, — говорю я, уходя от вопроса, который, как мне известно, она хочет задать. Из всех реабилитационных учреждений, в которых я побывала, а также из всех отделений детоксикации в больницах, домов трезвости и транзитных центров «Перекресток» самый приятный. У меня здесь есть собственная комната, которая просторнее моей комнаты дома. Тут есть бассейн и сауна. Есть даже волейбольная площадка на небольшой неухоженной лужайке, а в комнате для отдыха — телевизор с плоским экраном. Кормят тут хорошо — в твоём распоряжении салатный бар, различные смузи и машина, делающая капучино (но только без кофеина, поскольку в «Четырёх углах» кофеин находится под запретом). Если бы не все эти сеансы психотерапии, это было бы похоже на проживание в хорошем отеле.

Во всяком случае, мне так кажется. Сама я никогда не останавливалась в отеле.

— Рада это слышать, — признается Поли. Глаза у нее за стеклами очков большие и выпученные, как у рыбы, взгляд искренний. — Я не хочу видеть, как через полгода ты попадешь сюда опять.

— И не увидишь, — заявляю я, и в каком-то смысле это правда. Я не собираюсь возвращаться в «Перекресток». Я вообще не собираюсь отсюда уходить.

* * *

Мне нравятся реабилитационные центры. Мне нравятся и чистые комнаты, и персонал, одетый в одинаковые тенниски, с одинаковым желанием помочь, написанным на их лицах, как у хорошо выдрессированных собак. Нравятся мне и развешанные везде слоганы, выведенные на цветном картоне: *Иди сам или тебя потащат насильно; живи и давай жить другим; помни, что надо быть благодарным.* Жизнь в виде крохотных порций на один зуб. Миниатюрные «сникерсы» житейской мудрости.

Я давно поняла, что после того, как ты попадаешь в реабилитационный центр в первый раз, продлить твоё пребывание в нём проще простого. Достаточно всего-навсего сделать так, чтобы в анализе мочи перед выпиской оказались наркотики или алкоголь. Тогда вызывают их всех: психотерапевтов, сотрудников страховых компаний, социальных работников, связываются с твоими родственниками, и очень скоро тебя оставляют в этом реабилитационном центре ещё на какое-то время. Даже теперь, когда мне уже исполнилось восемнадцать и с юридической точки зрения я могу покинуть центр под моё собственное поручительство, обеспечить себе дальнейшее пребывание здесь будет нетрудно: вы удивитесь, узнав, как быстро эти люди объединяют усилия, когда появляется подозрение, что их пациентка, возможно, совершила убийство ещё до того, как у неё начался менструальный цикл.

Мне совсем не нравится лгать, особенно таким людям, как Поли. Но я продолжаю держаться простой и довольно примитивной версии — колеса и алкоголь.

Что до колес — таблеток, то их я крада у мамы, и если не считать повторения самого утверждения «Я наркоманка», — мне не приходится тратить слишком уж много усилий, чтобы продолжать притворяться, что я страдаю от патологической зависимости.

Моей маме приходилось принимать обезболивающее, когда я приезжала домой в последний раз, поскользну какой-то идиот на внедорожнике врезался в ее машину сзади, когда она возвращалась с ночной смены в больнице, и сломал ей позвоночник в двух местах.

Мне снятся кошмары, у меня бывают панические атаки. Я внезапно просыпаюсь по ночам, и даже спустя столько лет чудится, будто я вижу яркую вспышку света за своим окном. Иногда я слышу, как кто-то шепотом бросает мне гадкое: *психопатка, дьяволица, убийца*. Иногда я вижу Саммер, красавицу Саммер с длинными белыми волосами, лежащую на земле в середине круга из камней, и лицо ее искажено ужасом — а может быть, на нем застыла безмятежная улыбка, потому что история, которую она так долго писала, наконец-то воплотилась в жизнь.

Вот об этом я никогда никому здесь не говорю, как бы упорно на меня ни наседали Триш или Поли, или кто-то из других психотерапевтов. Я не говорю ни о Мии, ни о Саммер, ни об Оуэне, ни о Лавлорне, ни о том, что там происходило, ни о том, как мы в это верили, ни о том, как это стало реальностью.

В реабилитационном центре я могу быть такой, какой хочется. Иными словами, здесь мне наконец-то не надо притворяться чудовищем.

В Лавлорне стоит собственная погода, точно так же и время здесь течет по-иному. Иногда девочки приходили в Лавлорн ровно в полдень, а потом, снова оказываясь в лесу Тэрэлин, обнаруживали, что небо расцвечено розовым и багрянцем, что тени стали длинными, что стрекочут сверчки, а край солнца уже целует горизонт. Столь же часто, когда в их мире бывало холодно и дождливо, в Лавлорне ярко светило летнее солнце и он был полон пчел и жирных комаров. То одна, то другая из трех девочек вечно забывала здесь толстовку, шарф или шапку и потом получала за это нагоняй.

Из «Пути в Лавлорн»
Джорджии С. Уэллс

МИА

Наши дни

— Ничего себе. — Моя лучшая подруга, Эбби, держит двумя затынутыми в белую перчатку пальцами кусок сгнившей материи. — Что это такое?

Чем бы это когда-то ни было — курткой? одеялом? большим ковриком? — теперь эта штука совсем черна, жестка от скопившихся и высохших на ней за много лет пятен и вся изрешечена дырками там, где ее проели насекомые. И она ужасно воняет. Несмотря на то что от Эбби меня отделяет половина комнаты, где громоздятся горы из книг, давнишних газет, ламп, старых кондиционеров и картонных коробок с сотней так и не распакованных и так и не использованных покупок из числа тех, что обычно заказывают в полночь в телевизионных магазинах — блендеров, универсальных ножей, мягких игрушек и даже одной духовки с грилем, — от этого зловония все равно начинают слезиться глаза.

— Не спрашивай, — произношу я. — Просто засунь это в пакет.

Она качает головой.

— Твоя мама, что, хранила здесь труп? — говорит она, а затем, осознав, что сболтнула лишнее, засовывает тряпку в большой пластиковый пакет. — Прости...

— Ничего страшного, — отвечаю я. Это одна из тех вещей, которые так нравятся мне в Эбби: она про-

сто-напросто забывает все важное. Она реально никак не может запомнить, что, когда мне было двенадцать лет, меня обвинили в умышленном убийстве лучшей подруги. Если погуглить *Миа Фергюсон*, первым делом выскакивает пост, размещенный в популярном блоге по вопросам воспитания детей, озаглавленный: «Как дети становятся чудовищами? Кто виноват?»

Отчасти то, что Эбби об этом все время забывает, объясняется просто: она переехала в наш городок всего два года назад. Само собой, она слышала об убийстве — о нем слышали *все*, — но когда ты получаешь подобную информацию из вторых рук, это воспринимается совсем по-другому. Для тех, кто живет за пределами нашего городка, гибель Саммер стала трагедией, а то, что главными (ладно, не главными, а *единственными*) подозреваемыми стали трое детей, явилось ужасом, ужасом невообразимым.

Но у нас, в Твин-Лейкс, это приобрело личную окраску. Даже теперь, пять лет спустя, я все еще не могу ходить по городу, не ловя на себе злобных взглядов всех и каждого и не слыша произносимых шепотом оскорблений. Как-то раз несколько лет назад, когда я стояла перед витриной магазина, торгующего пряжей и принадлежностями для вязания, разглядывая выставленные в ней корзины, полные разноцветных мотков пушистой шерсти и табличку, гласящую: «Занимайся вязанием, а не войной», ко мне подошла женщина, сжав губы так, будто она собиралась меня поцеловать, и плюнула мне в лицо.

Даже мою мать оскорбляют всякий раз, когда ей приходится выходить за покупками, в прачечную или на почту. Думаю, окружающие винят ее в том, что она воспитала чудовище. В конце концов, ей стало проще не выходить из дома. К счастью — а может быть, к несчастью, — у нее есть собственный бизнес по интернет-маркетингу. И поскольку она может заказывать по Интернету все — от туалетной бумаги и носков до мо-